

Александр АГАЛАКОВ

ПУДЫ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА, ИЛИ КЛАДЫ СЕРГЕЯ ЛАЗО

**Мал золотник,
да на глазок**

В Сибири, от Урала до Тихого океана, любая жизнедеятельность человека зависела от расстояний, преодолеваемых на конях, по рекам, а позже по железной дороге. Неделю находиться в дороге, минуя степи, сопки, тайгу – это было в порядке вещей. Точных дат (как верст, четвертей и фунтов) тут особо никто не придерживался. Миллионные сделки заключались устно, кушцы били по рукам, товар принимали на глазок. Поэтому до (и после) введения в России метрической системы главное богатство Сибири – золото – учитывали в золотниках. Вес меры, которая в поговорке определена фразой «мал золотник, да дорог», составлял четыре с четвертью грамма. Однако понятие «грамм» пришло на смену золотнику, когда речь шла о взвешивании драгоценного металла на аптекарских весах при расчетах с властью централизованной.

Столичные же чиновники требовали и вели расчёты только в метрической системе, не позволяющей вести дела по-сибирски, «абы как». При упоминании масштаба государственных запасов и межгосударственных операций использовались понятия веса «килограмм» или «тонна». Поэтому почти невероятным пред-

ставляются события, когда не простые сибиряки, а облеченные властью люди, имевшие дело с золотом и ещё более дорогой платиной, вели счёт на пуды (пуд – 16 килограммов и 380 граммов), отчитывались за «*побольше тысячи пудов*», которые принимались ими на подотчёт без документального оформления. Расскажем об одной такой малоизвестной истории, тесно связанной с перемещением по Сибири отряда красноармейцев. Их поход, связанный с доставкой боеприпасов одной из воюющих сторон Гражданской войны, поиском и возвратом больших государственных ценностей, соизмеримых с золотом Колчака, привел к драматичным событиям на транспортных коммуникациях Сибири, к разрушенным судьбам многих людей.

Лазо и первый клад

Это случилось в 1920 году в ходе проводимой под контролем Сибревкома военной экспедиции спецотряда Красной Армии по изъятию золота и платины в далёкой амурской тайге. Клад находился на территории буферной зоны – между Советской Россией, Японией и буржуазно-демократической Дальневосточной Республикой (ДВР), которая образовалась по причине того, что до Москвы было очень далеко. Новоявленная республика всё-таки иг-

рала марионеточную советскую роль. Граница ДВР с Россией пролегла по Байкалу и впадающей в него реке Селенге. Формально ДВР являлась независимым государством, но фактически её правительство, находившееся в Верхнеудинске (ныне – г. Улан-Уде), полностью зависело от Москвы. Хотя в этих местах только сила таёжного медведя являлись наиболее действенным аргументом, наряду с перемешанными на пространстве отрядами белых, красных, оккупационных войск, сибирских атаманов, китайских бандитов и разбойничьих шаек инсургентов, орудовавших на дорогах, в тайге, по берегам рек. В Забайкалье хозяйничал атаман Семенов, марионетка Японии. Оккупационные войска Японии дислоцировались по Транссибирской железнодорожной магистрали на восток от Читы и поддерживали бело-гвардейцев.

Пятого апреля 1920 года во Владивостоке, Хабаровске и других городах Дальнего Востока, после спровоцированного конфликта с красными партизанами, японцы произвели вооруженное выступление, в результате чего повсеместно были низвергнуты ревкомы. Предвидя такую опасность, командующий партизанами в Приморье Сергей Лазо поступил мудро. Накануне своей гибели (схваченных военных руководителей Приморья С. Г. Лазо, А. Н. Луцкого и В. М. Сибирцева японцы передали в руки белых уссурийских казаков – «бочкаревых», которые зверски расправились с пленниками. По одной версии, в топку паровоза палачи бросили трупы замученных жертв, по другой – сожгли живых людей. В советской исторической литературе была принята вторая версия) он предложил переправить золотой запас ДВР из Владивостока в более надежное место. Военный совет партизанской армии решил вывезти драгоценности в амурскую тайгу. Ночью, соблюдая предосторожность, груз золота и платины вывезли из города и через несколько недель доставили в Амурскую область. Эмиссар правительства ДВР Мейер Трилиссер распорядился надежно охранять «*достояние рабочих и крестьян*» на отдаленном руднике Лебедином в таёжном междуречье Зеи и Тимптона. И это золото дошло до советских премников.

Клад номер два

А вот клад, претендующий на первенство в золотой истории, был спрятан соратниками Лазо под личным присмотром красного героя-командира. Официально, этот клад канул в историю. А история такова. Ещё летом 1919 года вдоль Транссиба двигалась группа партизан отряда Сергея Лазо, который под давлением частей японцев и белых отступал в Якутию. В

коротком, но ожесточенном бою под поселком Новоивановский (ныне Стрелка) партизаны нанесли поражение отряду белоказаков, охранявших прииск Ларинский. Охранники бежали. В качестве трофея победителям досталось около полутора пудов золота, которое было конфисковано в пользу победы над врагами революции. Однако вскоре фортуна повернулась к удачливым партизанам неприглядным местом.

Слух о захвате золота молниеносно пронесся по тайге, и на его поиски ринулись контрреволюционеры в лице хунхуз (китайских бандитов), белогвардейцев и японцев, действовавших хоть и разрозненно, но в одном направлении. Преследуемые превосходящими силами противника партизаны отошли от Транссиба и выдвинулись по горной тропе в сторону поселка Тындинский, являвшего собой несколько домов, склады и трактир. Владелец трактира, некий Шкарубо, отвел партизан на свое дальнее зимовье, где те получили возможность отдохнуть, почистить оружие и переждать опасность. Расслабляться, впрочем, долго не пришлось. Дальревком активизировал борьбу с интервентами и потребовал бросить все силы против японцев. Лазо решил идти на соединение с основными силами в Приморье. Путь дальний, трудный. Тяжёлую ношу – лишнее оружие, боеприпасы и золото – партизаны решили спрятать в пещере, находящейся в 2,5 версты от зимовья Шкарубо, и завалить вход. Через полвека один из немногих уцелевших партизан побывал в тех местах, где ему когда-то пришлось укрываться. Много лет прошло, память ослабла, да и тайга изменилась. Схрон не нашли.

По легенде, клад всё же был обнаружен благодаря проiscaм НКВД. В 30-е годы прошлого века в эти места приезжал бывший хозяин заимки, эмигрировавший ввиду беспредела, чинимого по принципу: «красные пришли – грабют, белые пришли – грабют». Из-за границы, где ему жилось голодно, он вел переписку с НКВД о том, что покажет клад в четыре мешка золота. Это и клад Лазо, и собственное намытое золотишко. Выдачу ценностей бывший хозяин обставил условием, что ему будет отдана половина найденного. Разумеется, в НКВД ослабили и дали согласие. Человек возвратился с чужбины, его сопровождали в тайгу, где он был расстрелян и закопан там же, где золото было найдено. В самом деле, чего могилу копать, когда готовая яма имеется.

Золотой мандат

Однако вернемся к кладу на прииске Лебединском. Его возврат в оборот казны советов являлся важным делом. Поскольку в это вре-

мя одной из насущных проблем председателя Сибревкома Ивана Смирнова являлось снабжение боеприпасами и оружием партизан Приморья, которыми после гибели Лазо командовал Дмитрий Шилов. Смирнов известил главнокомандующего Народно-революционной армии (НРА) ДВР: «Для партизан Шилова 26 мая из Омска отправлено с Шатовым (министром транспорта ДВР – Ред.) миллион патронов». Спустя две недели главком НРА ДВР Генрих Эйхе, которому поручили доставку боеприпасов из Прибайкалья в Амурскую область, доложил о невозможности выполнить это задание, так как «подходы к Шилову заняты противником». Смирнов приказывает командованию 5-й армии «выяснить возможность подачи патронов по Вилюю или Олекме на базу Амурской области». Военная разведка, рапортуя Смирнову о результатах поиска связи с партизанами Шилова, в числе прочих сведений сообщила о прииске, где хранилось золото ДВР. У руководителей Сибревкома сразу возникла идея, заключающаяся в том, чтобы доставку боеприпасов в Приморье увязать с вывозом золота в Советскую Россию. Делу придали характер чрезвычайной важности.

29 июня 1920 года к командарму вызвали военного коменданта Иркутска Петра Савлука, до этого бывшего комендантом Томска и оставившего у аборигенов недобрую память о себе. Савлук получил следующий мандат:

«Удостоверение

Предъявитель сего т. Савлук Петр Федорович есть действительно начальник Особой экспедиции, на которую возложено выполнение задачи чрезвычайной важности, а посему Савлуку предоставляется право неограниченного привлечения к выполнению заданий всех могущих быть полезными лиц, право пользоваться всеми средствами передвижения и сообщения как водными, так и сухопутными, право пользования проволочным и беспроволочным телеграфами и прямыми проводами. Военные власти, все ревкомы и все профессиональные и другие гражданские организации обязаны оказывать т. Савлуку полное и безусловное содействие, предоставляя в его распоряжение все технические силы и средства и необходимое количество рабочих рук, что подписями с приложением печати удостоверяется.

*Реввоенсовет 5 армии: Матиясевич,
Б. Позерн”.*

**В руках у нас винтовка,
а в голове – карта**

Со вторым документом, картой маршрута, реввоенсовет в лице Михаила Матиясевича

и Бориса Позерна начальника Особой экспедиции лишь ознакомил, поскольку в силу сверхсекретности она осталась у начальника Особого отдела. Соизмеряясь лишь с раз увиденным и удержанным в голове, Савлуку предстояло преодолеть тяжелый путь: от Иркутска на автомашинах до пристани Качуга на Лене, затем на пароходе до Олекминска, по Олекме на мелких судах, минуя пороги, в том числе опаснейшее «Чертово горло», до поселка Енюки. Затем около 900 верст таежной тропой до прииска Лебединый. Выбор начальника экспедиции не случаен. Савлук лучше, чем кто-либо, мог изыскать у буржуев и спекулянтов необходимое снаряжение, товары и продукты. В истории Томска комендант Савлук оставил красноречивые свидетельства своей деятельности, предложив ревкому в ультимативной форме конфисковывать и реквизировать у горожан мебель и мешкотару, ванны и унитазы, запасы бумаги и одежды, лампочки и велосипеды. Даже за несдачу спортивных снарядов (мячей, гантелей, штанг, теннисных ракеток) в «спортивный» отдел ревкома следовало строгое наказание – заключение в концентрационный лагерь! Но в Иркутске с государственного склада выдали лишь 5 тысяч аршин мануфактуры. А в г. Киренске разрешалось взять с собой 160 ведер спирта – «валюту» для речных лоцманов, таежных проводников из числа аборигенов.

Поэтому подготовка к походу заняла две недели. Начальнику Особой экспедиции предстояло собрать большое количество табака, чая, охотничьих припасов, спичек – всё это больше всяких денег ценится в тайге. Вышеперечисленное Савлук собрал, чем ожесточил местное население. 17 июля в подчинение Савлука передали особый отряд из 184 бывших партизан армии Петра Щетинкина, которые провели в Иркутске ещё одну крупную реквизицию. Из-за непроходимости Якутского тракта для грузовых машин красноармейцы отняли у крестьян, приехавших на рынок, лошадей и телеги. Бунтующих расстреливали на месте. На следующий день Особая экспедиция с обозом в 120 подвод тронулась в путь. Ввиду недосылки патронов (950 тысяч вместо 1 миллиона обещанных) партизаны везли 75 ящиков гранат и 8 пулеметов с запасом снаряженных лент. Воевать было можно.

Примите более тысячи пудов

Перипетии похода состояли из сплошных приключений, особенно по воспоминаниям его участников. С местными жителями бойцы Савлука не церемонились, что повлияло на ряд мелких и крупных вооруженных выступлений сибиряков против советской власти. Тем не менее достояние России буквально из-под носа

японцев и бандитов-хунхузов (китайцев) удалось спасти. В Иркутск пришло долгожданное донесение Савлука:

«Второго октября первая партия во главе с Козловым (Алексей Козлов – заместитель начальника особой экспедиции – Ред.) с Прииска Лебединого вернулась. Личная связь с Амурским командованием установлена. Доставка груза начнется нами в начале второй половины октября по санному пути. ... По личному ознакомлению Козлова в Лебедином, перевозка ценностей Амурской экспедицией произведена крайне небрежно, есть до десяти ящиков разбитых. Сведений и документов о составе груза нет. ... Ценности на Лебедином находятся в опасности, так как в районе бродят большие шайки хунхузов, разграбляя прииска, могут добраться до Лебединого, тем более что груз перевозили без сохранения секрета».

По прибытии в конечный пункт маршрута члены экспедиции стали договариваться с эвенками, чтобы те за табак и спирт перевезли золото в надёжное место на оленьих упряжках. Пока перепившие оленеводы соображали о выгодности предприятия – свершилось неожиданное. Международное положение вынудило Японию эвакуировать свои оккупационные войска из восточного Забайкалья. А 22 октября 1920 года войска НРА ДВР, разгромив банды атамана Семенова, вступили в Читу. Вскоре туда из Верхнеудинска перебралось правительство ДВР. Петр Савлук получил шифротелеграмму:

«Срочно, секретно. 3 декабря 1920 года. Лебединный прииск. Начэкспедиции Савлуку. Транспорт направляйте немедленно в Читу в распоряжение уполнаркомвнешторга (т. е. уполномоченного Наркомата внешней торговли – Ред.) Гроссмана. Охрана может быть Амурской армии, но сопровождать обязаны вы лично и лично сдать Гроссману. Позерн.»

За трое суток через тайгу в 50-градусный мороз партизаны доставили золото и платину с прииска Лебединого на ж. д. станцию Большой Невер. Сколько при этом золота пропало из разбитых ящиков – никто не подсчитывал. В середине декабря Петр Савлук сдал драгоценности Самуилу Гроссману. В Чите произвели подобающий в таких случаях учет достояния республики. Однако секретный документ, в котором зафиксирован вес золота и платины –

причем не по партизанским меркам «более тысячи пудов» – историкам не известен.

А вот у японцев не получилось

До глобального вооруженного выступления японцев в Сибири некоторые японские командиры предпринимали рейдерские атаки на амурские города. Цель везде была одна – разжиться золотишком. 19 сентября 1918 года под командованием капитана Судзуки два батальона японских войск на грузовиках, с прицепленной артиллерией ворвались в город Зею. Начался период японской оккупации. По словам японских солдат, в Зею они пришли всерьез и надолго. Из орудий самураи потопили на реке Зея пароход «Телеграф» с красноармейцами напротив городского парка. Команда и пассажиры были добиты в воде из винтовок, пленных не брали. Это был запланированный захват, предварённый шпионской деятельностью (Скромный местный часовщик вдруг появился на улице в форме офицера японской армии и принял деятельное участие в установлении нового порядка, а по сути в безвластии). Он активно участвовал в расстрелах большевиков и лиц, сочувствующих советской власти.

17 мая 1919 года зейские золотопромышленники, обескураженные растущим беспределом на приисках, обратились к господину капитану Судзуки «с покорнейшей просьбой срочно командировать в район приисков, расположенных по реке Гилой, воинский отряд для уничтожения шайки хунхузов, которые производят убийства и грабежи на приисках». Однако японцы на Гилой не пошли, охраняя собственные интересы. А когда японские войска уходили из Зеи, они прихватили с собой на память несколько десятков пудов золота из местного казначейства. На паромной переправе через реку Уркан японский отряд ожидали парламентареры – двое здоровенных бородачей свирепого вида, обвешанные гранатами и оружием. Японцам было заявлено, что через Уркан их пропустят только в одном случае – если они сдадут все награбленное ими золото. Японское командование пыталось объяснить, что они везут военные трофеи, а по условиям перемирия их обязаны беспрепятственно пропустить к железной дороге. Однако партизаны были непреклонны, и японцам с большой неохотой пришлось расстаться с золотым запасом, который они уже считали своим. Дальнейшая судьба этого золота также неизвестна.

*Александр Агалаков,
по материалам доктора исторических наук
Владимира Семёновича Познанского
(Институт истории СО РАН)
г. Новосибирск*